
Земля в представлениях и жизнеустройстве сельского приходского духовенства Вологодской епархии в 1860—1870-х гг.

Антон Всеволодов

Land in the views and life arrangement of the rural parish clergy of the Vologda diocese in the 1860—1870s

Anton Vsevolodov (Cherepovets State University, Russia)

DOI: 10.31857/S086956870004231-5

Своеобразие социального облика сельского приходского духовенства в России во многом обуславливалось его естественной близостью к крестьянскому окружению и, прежде всего, тем, что одной из основ его материального благополучия был земледельческий труд. Однако если для крестьянина работа на земле была ключевым элементом самоидентификации, то в картине мира приходского священнослужителя земледелие оставалось хотя и разрешённым¹, но внеслужебным и, следовательно, второстепенным по отношению к службе (Богу, пастве и государству) занятием. Следовательно, применяя к сельскому клиру тезис о неразрывной связи хозяйственной практики с духовной жизнью², нужно оговориться, что порой связь эта была скорее дисгармонической, что определило специфику тех представлений духовенства, которые условно можно назвать «земледельческими»³. В круг их, очевидно, следует включать не только отношение к земледельческому труду как к источнику благосостояния, но и совокупность взглядов, описывающих степень адаптации клира к условиям его жизнеустройства, связанным с работой на земле. В комплексе этих представлений фиксировался достигнутый уровень культуры земледелия, формы землепользования, связанные с ними социальные отношения. Таким образом, они обеспечивали целостность восприятия природной и общественной среды в границах приходского пространства.

В повседневном общении священнослужителей и крестьян действовали различные каналы обмена опытом. Росту компетентности духовенства в вопросах не только сугубо хозяйственных, но и связанных с юридическими аспектами землепользования, способствовало участие в мирских земельных переделах, а также в документировании деятельности мира. Это прослеживается уже по источникам XVI—XVII вв. и периодически выражалось, в частности, в напи-

---

© 2019 г. А.В. Всеволодов

¹ Так, VII Вселенский собор позволил клирикам «трудами рук своих» приобретать содержание «для потребностей сея жизни», но избегая своекорыстных побуждений (Правила Святых Вселенских соборов с толкованиями. М., 2000. С. 699—700. Ср.: Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры // Гуревич А.Я. Избранные труды. Средневековый мир. СПб., 2007. С. 204—205).

² Громыко М.М., Буганов А.В. О воззрениях русского народа. М., 2000. С. 272.

³ Ср. используемый Ю.Л. Бессмертным термин «демографические представления» (Бессмертный Ю.Л. Жизнь и смерть в Средние века. Очерки демографической истории Франции. М., 1991. С. 6).

сании прошений от лица всей общины или отдельных хозяев⁴. Постоянное косвенное соприкосновение с землёй вместе с личным трудом на ней вело к визуальному и психологическому слиянию пастырей с паствой — к описанной ещё И.Т. Посошковым ситуации, когда сельские священники «ничим не отменны от простых мужиков»: «Мужик за соху и поп за соху, мужик за косу и поп за косу... И в таковых суетах живущее, не токмо стадо Христово пасти, но и себя не упати»⁵.

В эпоху Великих реформ давний вопрос о нравственной приемлемости земледелия соединился с проблемой оценки его роли в материальном обеспечении клира. На фоне происходивших тогда же преобразований в церковной жизни в общественном мнении началась медленная легитимация хозяйственной успешности священнослужителя. Однако актуализация стереотипного образа батюшки, «сеющего и жнущего, разъезжающего по ярмаркам и базарам для покупки и продажи лошадей, рогатого скота, овец и т.д.»⁶ свидетельствовала о том, что подобные занятия духовенства не вызывали широких симпатий, поскольку в них усматривалась угроза его пастырской состоятельности. Впрочем, такой знаток деревенского быта, как А.Н. Энгельгардт, с одобрением замечал, что «попы» не только прекрасно разбираются в народной натуре, но и «лучшие практические хозяева» после крестьян и «никто так хорошо не знает быт простого народа во всех его тонкостях, как попы»⁷. В радикально-демократических кругах приветствовали равный с крестьянином труд священника на земле, считая его самым общественно безопасным способом обеспечения причта⁸.

В церковной публицистике 1860—1870-х гг. привязанность сельского клирика к земле зачастую рассматривалась как препятствие для его личностного развития и духовного роста. Выработалось стойкое убеждение, что «если вы хотите быть хорошим священником, то вы не можете быть хорошим хозяином», а попытка совместить одно с другим непременно ведёт на «путь Мамоны»⁹. Считалось, что земледельческие заботы, как и в целом излишняя погружённость в «материальный быт», развивают стремление к наживе, стяжательство, а они превращают сан в способ заработка¹⁰. В то же время приближение программ се-

⁴ См.: *Копанев А.И.* История землевладения Белозерского края XV—XVI вв. М.; Л., 1951. С. 96, примеч. 5; *Раскин Д.И.* Мирские челобитные монастырских крестьян первой половины XVIII в. // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. 6. Л., 1974. С. 175—185; *Вдовина Л.Н.* Крестьянская община и монастырь в Центральной России в первой половине XVIII в. М., 1988. С. 74; *Суслова Е.Д.* Церковь и крестьянское сообщество в Карелии в конце XV — начале XVIII в. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2012. С. 23—24.

⁵ *Посошков И.Т.* «Книга о скудости и богатстве» и другие сочинения / Ред. и коммент. Б.Б. Кафенгауза. М., 1951. С. 38.

⁶ Цит. по: Церковная реформа. Сборник статей духовной и светской периодической печати по вопросу о реформе / Сост. И.В. Преображенский. СПб., 1905. С. 365.

⁷ *Энгельгардт А.Н.* Из деревни. 12 писем. М., 1956. С. 54.

⁸ См., например: Русский заграничный сборник. IV. 1858. «Описание сельского духовенства» (разбор) // Литературное наследство. Т. 63. М., 1956. С. 205.

⁹ *Стас И., свящ.* С Кавказа. По поводу учреждения Комитета для изыскания способов к обеспечению быта духовенства // Православное обозрение. 1863. № 3. Заметки. С. 130.

¹⁰ См. об этом: *Богатинов Н.* Идеал духовного пастыря, к осуществлению которого вызывает духовенство современная народная жизнь // Труды Киевской духовной академии. 1862. № 1. С. 109; *Чижевский И., свящ.* Ещё несколько мыслей к вопросу об улучшении быта русского православного духовенства. Харьков, 1863. С. 32; Об угождении прихожанам // Руководство для сельских пастырей. 1870. № 41. С. 201; О бескорыстии служителей церкви. Слово в день трёх святителей, произнесённое в Кишинёвской семинарской церкви Преосвященнейшим Сергием, епископом Кишинёвским // Душеполезное чтение. 1889. Т. 3. С. 334, 335, 337. Также об этике внеслужебного труда духовенства см.: *Кирилл (Наумов), архим.* Пастырское богословие. Изд. 2. М., 1854.

минарий к реальным условиям пастырской практики привело к тому, что умение правильно поставить домашнее хозяйство (а стало быть, и ведение полевых работ) всё чаще признавалось необходимым для приходского священника¹¹.

К середине XIX в. вследствие постепенного роста образовательного уровня духовенства отношение к личному земледельческому труду существенно изменилось¹². Его представители всё чаще испытывали «боязнь унизиться до схождения с престоноародьем». У нового поколения клириков даже «домашний труд делился на “благородный”, безразличный и “низкий”»¹³. В то же время в воспоминаниях выходцев из духовного сословия о своём детстве работа отца и матери на земле оценивалась, как правило, позитивно, хотя бы её причиной являлась крайняя бедность¹⁴.

Однако за рамками публицистики столь противоречивая этика терпела поражение, сталкиваясь с жизненной практикой. В целом, земледельческие представления духовенства формировались в ходе сложного согласования несистематизированного обыденного опыта и предписываемого «стандарта» поведения и мышления. При этом в источниках они, чаще всего, отражаются не в «чистом» виде, а в контексте исторических ситуаций разного масштаба, так что соответствующее исследовательское поле формируется «поверх» сразу нескольких смежных сюжетов. Во многом благодаря этому взаимодействие сельского клира середины — второй половины XIX в. с природным окружением и его рефлексия, по существу, ещё не подвергались целостному изучению.

Между тем потенциал такого рода исследований значителен. Прочную основу для них создают, в частности, материалы всероссийского опроса 1863 г. о местных средствах содержания приходского духовенства (известные в литературе как «Мнения» или «Сведения по делу об улучшении быта»¹⁵). Их информация может быть дополнена и скорректирована данными церковного делопроизводства (клировых ведомостей, прошений священнослужителей и т.д.), церковно-приходских летописей и церковно-статистических описаний, а также документов светских учреждений (казённых палат, земских управ и т.п.). Перекрёстный анализ этих источников позволяет восстановить картину представлений духовенства о земле с достаточной полнотой и, что немаловажно, с их региональной спецификой.

С. 127—128; *Певницкий В.* Священник. Приготовление к священству и жизнь священника. Изд. 2. Киев, 1886. С. 21—22; и др.

¹¹ РГИА, ф. 802, оп. 9 (1867 г.), л. 33, л. 351 об.; *Сухова Н.Ю.* Высшая духовная школа: проблемы и реформы (вторая половина XIX века). М., 2006. С. 298; *Сухова Н.Ю.* Пастырское богословие в российской духовной школе (XVIII — начало XX в.) // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. I. Богословие, философия. 2009. Вып. 1(25). С. 33—36.

¹² *Кузнецов С.В.* Хозяйственные, религиозные и правовые традиции русских (XIX — начало XXI в.). М., 2008. С. 169—170.

¹³ *Римский С.В.* Российская церковь в эпоху Великих реформ. М., 1999. С. 104.

¹⁴ См. об этом: *Манчестер Л.* Поповичи в миру: духовенство, интеллигенция и становление современного самосознания в России / Пер. с англ. А.Ю. Полунова. М., 2015. С. 43—44, 166—167.

¹⁵ См. об этом: *Руновский Н.П.* Церковно-гражданские законоположения относительно православного духовенства в царствование императора Александра II. Казань, 1898; *Freeze G.L.* The Parish clergy in the Nineteenth Century Russia. Crisis, Reform, Counter-Reform. Princeton, 1983. P. 261—273; *Римский С.В.* Российская церковь в эпоху Великих реформ. С. 12; *Мангилёва А.В.* Социокультурный облик приходского духовенства Пермской губернии в XIX — начале XX в. Екатеринбург, 2015. С. 289—320; *Всеволодов А.В.* «Сведения по делу об улучшении быта православного духовенства» 1863 г. как делопроизводственный комплекс // Вестник Череповецкого государственного университета. 2012. № 1. Т. 2. С. 23—27.

Так, ярким своеобразием отличались земледельческие представления приходского духовенства на Европейском Севере России. Истоки его — в природно-климатических условиях и исторической устойчивости местных особенностей церковно-причтового землевладения и поземельных отношений клира и крестьянства. В десяти уездах Вологодской епархии — одной из крупнейших церковных областей Севера — к 1862 г. действовало, по разным данным, 617 или 622 сельских прихода с 1 694 священно- и церковнослужителями¹⁶. К 1890 г. за 627 приходскими церквями числилось 45,4 тыс. десятин земли, в том числе 42,8 тыс. десятин за 591 сельской церковью¹⁷ (в 1865 г. — 39,3 тыс. десятин за всеми храмами епархии¹⁸). По масштабам церковного землевладения среди 56 учтённых епархий Вологодская занимала 15-е, а по площади среднего надела в расчёте на церковь (72,4 десятины) — 18-е место¹⁹.

Характерная особенность изучаемой территории — чёткое природно-климатическое и экономико-географическое деление. Первая зона, сложившаяся по Сухоно-Двинскому речному пути, включала территории Вологодского, Грязовецкого и Кадниковского уездов с относительно благоприятными условиями для земледельческого хозяйства, и Вельского, Никольского, Великоустюгского, Тотемского и Сольвычегодского уездов, где земледелие также было преобладающим видом деятельности, хотя и в меньшей степени. Во вторую зону с суровыми природными условиями и крайне разреженным населением входили Усть-Сысольский и Яренский уезды, в экономике которых особое значение имели неzemледельческие занятия²⁰.

Несмотря на то, что только три вологодских уезда из десяти можно было считать в полном смысле земледельческими, доход от пользования наделом являлся одной из констант благосостояния местного духовенства. Анализ материалов опроса 1863 г. по епархии показал, что в выборке из 255 причтовых бюджетов (с полным набором данных) поступления от земли составляли 38,87% годового дохода (медианное значение) с максимумом в Вологодском уезде (51,06%) и минимумом — в Никольском (16,75%)²¹.

Чистая прибыль от земледелия была невысокой. На севере и северо-востоке епархии затраты на обработку земли поглощали до 75% стоимости урожая

---

¹⁶ Государственный архив Вологодской области (далее — ГА ВО), ф. 496, оп. 1, д. 13558, л. 1 об.; Памятная книжка Вологодской губернии на 1864 г. Вологда, 1864. С. 53—55 (4-я пагинация); *Арсеньев Ф.А.* Хозяйственно-статистический очерк Вологодской губернии, составленный по сведениям за 1869-й год // Памятная книжка Вологодской губернии на 1873 г. Вологда, 1873. С. 3 (3-я пагинация).

¹⁷ *Любинецкий Н.А.* Землевладение церквей и монастырей Российской империи. СПб., 1900. С. 4—5 (2-я пагинация).

¹⁸ РГИА, ф. 799, оп. 31, д. 162, л. 13—21.

¹⁹ *Любинецкий Н.А.* Указ. соч. С. 13, 15 (1-я пагинация).

²⁰ *Колесников П.А.* Северная деревня в XV — первой половине XIX в. К вопросу об эволюции аграрных отношений в Русском государстве. Вологда, 1976. С. 51—61, 64—68 (табл. 5). О природно-географическом и экономическом районировании региона в историческом контексте см.: *Водарский Я.Е.* Вологодский уезд в XVII в. (к истории сельских поселений) // Аграрная история Европейского Севера СССР. Вологда, 1970. С. 253—366; *Бакланова Е.Н.* Крестьянский двор и община на Русском Севере. Конец XVII — начало XVIII в. М., 1976. С. 5 и др.; *Милов Л.В.* Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 2001. С. 384 и др.; *Попов С.А.* Крестьянское самоуправление в Вологодской губернии (вторая половина XIX — начала XX века). Сыктывкар, 2016. С. 29—30.

²¹ РГИА, ф. 804, оп. 1, разд. III, д. 25—36; ГА ВО, ф. 496, оп. 1, д. 13548—13554. Всего при исследовании было обработано 316 опросных ведомостей с разной степенью полноты исходных данных.

в текущих местных ценах²². Нередка была нулевая, либо близкая к таковой чистая прибыль²³. В Яренском уезде убытки от земледелия в «зяблые» годы были больше, чем чистая прибыль благополучных лет²⁴. Даже в юго-западных уездах встречались случаи, когда от земли удавалось выручить всего несколько десятков рублей. Совокупные издержки при этом составляли до 80, 150 и даже 200—270 руб. на причт и более²⁵. Так, в Становском Николаевском приходе Грязовецкого уезда ежегодно на сельскохозяйственные нужды у причта уходило 250 руб., в том числе на наём работников и работниц — 110 руб., на их содержание и наём подёнщиков — по 40, на «рабочий инструмент» — 10, на ремонт дворовых построек (амбаров, сараев, овинов) — 50 руб. в год²⁶. В другом грязовецком приходе — Слободском Николаевском — структура затрат была более детализирована, включая «наём работников: зимой для ухода за скотом, а летом — для полевых работ — 150 руб.; их содержание — 75 руб.; поправка повозок и рабочего инструмента — 25 руб.». К этим расходам добавлялись «перемена рабочих лошадей и рогатого скота — 15 руб.; покупка дров, колья и жердя — 65 руб.; поддержка домов и служб — 50 руб.». От общего годового дохода (632 руб.) только основные земельные затраты отнимали 39,56%. С учётом ремонтов и покупки скота их доля (380 руб.) возрастала до 60,13% совокупного дохода клира²⁷. Огородничество везде в епархии играло вспомогательную роль. По имеющимся данным, его вклад в общую сумму земельного дохода духовенства составлял примерно 5%²⁸.

Сложившийся в таких условиях хозяйственный уклад вологодского сельского клира был консервативен. В 1840-е гг., по свидетельству протоиерея А. Попова, «жизнь духовенства, по внешней обстановке более скудная, чем у большинства крестьян, вообще ничем не отличалась от жизни крестьянина. Как крестьянин, так пономарь и дьячок, жили своим хозяйством, трудом, работою; занимались они скотоводством и земледелием, сеяли лён, приготавливали дрова, сами пахали, сеяли, боронили... сами жали, косили, молотили. А бывали между ними и такие, которые между всем этим умели сделать топором и стругом всё, что нужно для хозяйства: и борону сбить, и соху устроить, и ткацкий станок... соорудить»²⁹.

С годами значимость личного земледельческого труда у сельского клирика почти не уменьшалась. Священник В.Н. Турундаевский, служивший при Воздвиженской Кубенской церкви Вологодского уезда, по воспоминаниям внука, и в начале XX в. «обрабатывал землю первобытными орудиями — сохой, деревянной бороной». Он «сам устанавливал снопы для просушки в овине и сам подтапливал его... Сам молотил, сам веял зерно и сам лично сортировал. Всё

²² ГА ВО, ф. 496, оп. 1, д. 13553, л. 73; РГИА, ф. 804, оп. 1, разд. III, д. 26, л. 16.

²³ ГА ВО, ф. 496, оп. 1, д. 13550, л. 50—51; д. 13552, л. 29; д. 13554, л. 107; д. 14437, л. 13 об.; РГИА, ф. 804, оп. 1, разд. III, д. 25, л. 10 об.—11, 21 об.—22; д. 27, л. 8, 45.

²⁴ РГИА, ф. 804, оп. 1, разд. III, д. 32, л. 131—131 об.

²⁵ ГА ВО, ф. 496, оп. 1, д. 13529, л. 3, 11 об., 25 об., 32 об., 38 об.; д. 13550, л. 25 об.—26; д. 13553, л. 141 об.—142; д. 13688, л. 3.

²⁶ РГИА, ф. 804, оп. 1, разд. III, д. 33, л. 159 об.

²⁷ Там же, л. 159.

²⁸ См., например: ГА ВО, ф. 496, оп. 1, д. 13529, л. 38 об.; д. 13553, л. 75 об., 87 об.; РГИА, ф. 804, оп. 1, разд. III, д. 25, л. 15 об.—16.

²⁹ Попов А., *прот.* Воспоминания причетнического сына. Из жизни духовенства Вологодской епархии. Вологда, 1913. С. 3.

свободное время у него было занято физическим трудом»³⁰. В конце XIX в. корреспондент Этнографического бюро кн. В.Н. Тенишева писал из Грязовецкого уезда, что «священники и причт, как и везде, тянут ту же житейскую лямку, влача свои хозяйства в более или менее прожиточной форме»³¹.

Трудозатраты, связанные с земледелием, естественно вызывали ожидание отдачи от усилий, не всегда оправдывавшихся в условиях, когда, как в Великоустюгском уезде, «пахотная земля, находясь в суровом климате и гористой местности, мало приносит должных плодов»³², а также психологический дискомфорт, возникавший из-за нехватки времени на добросовестное выполнение служебных обязанностей.

Тяжесть выбора между личным благосостоянием и долгом отразилась в своеобразно переиначенной риторике жертвенности. «Священникам, — сообщалось из Шарженского Михайло-Архангельского прихода Никольского уезда, — приходится, за исправлением богослужений и треб по обширному и многолюдному приходу, всё свободное время жертвовать заботам и хлопотам по хозяйству»³³. В другом случае акценты менялись: тогда уже не хозяйство препятствовало службе, а, наоборот, пастырский долг становился помехой, и возникал тип иерея, «постоянно отвлекаемого от сельских хозяйственных занятий для требоисправления по церкви и по приходу»³⁴. Такой батюшка был вынужден непрестанно, порой несколько раз на дню, перемещаться между идеальным и реальным. Его служение становилось отрывочным, нервно-нервическим, непродолжительным. Возвращение от алтаря в «мир» и обратно давалось тяжело: «Очень трудно жить в мире. Суеты неизбежны. Хозяйство подлинно требует многого ума и многих хлопот»³⁵.

Всё это становилось мощным стрессогенным фактором — особенно в тех случаях, когда священник считал для себя невозможным служить «спустя рукава». С большой эмоциональной точностью описал эти изматывающие метания тотемский благочинный Павел Дьяков. В рапорте духовной консистории по опросным ведомостям причтов своего округа он сообщал, что загруженный полевыми работами священник «исполняет свою должность торопливо, невнимательно». В воскресную службу, после «недельных трудов он поскорее желает покончить с церковью... Но вот, после вывозки навоза и опаживания оным поля, скопив этот священный земледелец несколько сил, — берёт в руки косу, нанимает работников, идёт в луга свои — вдруг извещает благочинный, что он едет, а за ним преосвященный для обзора! Конечно, уж тут не до сенокоса. Десять раз бедный священник ходит в церковь для очистки, десять раз пересмотрит церковные документы и десять раз он не увидит самых грубых ошибок и в церкви, и в документах... Целая неделя проходит в невыносимой муке от страха и опасения, и действительно, священник явится перед владыкой и дик,

---

³⁰ Турундаевский А.А. Наша семья // История от первого лица. Мир северной деревни начала XX века в письменных свидетельствах сельских жителей. Архангельск; М., 2011. С. 192.

³¹ Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева. Т. 5. Вологодская губерния. Ч. 2. Грязовецкий и Кадниковский уезды / Науч. ред. Д.А. Баранов, А.В. Коновалов. СПб., 2007. С. 78.

³² ГА ВО, ф. 496, оп. 1, д. 13553, л. 127.

³³ Там же, д. 13554, л. 114.

³⁴ Там же, л. 152.

³⁵ Цит. по: Знаменский П.В. К биографии А.П. Шапова // Исторический вестник. 1899. Т. CXXV. С. 520.

и неисправен, и безгласен, а это опять от того, что не богословие повторял, не литературой занимался, а рылся в грязи»³⁶.

Таким образом, отрицательное отношение к сельскохозяйственному труду объяснялось тем, что он, будучи для духовенства неизбежностью, вёл к очевидным и невосполнимым интеллектуальным потерям. Молодой священник, который «в семинарии более или менее освоился с идеями благородными, присмотрелся к жизни лучшей», на приходе, «привыкая к труду сельскому», по наблюдениям Дьякова, «мало-помалу теряет образование»³⁷.

В 1866 г. «Вологодские епархиальные ведомости» сетовали на то, что супруги некоторых клириков, поглощённые исключительно домашними заботами, не проявляют никакого интереса к делу жизни своих мужей: «Немало, таким образом, в здешнем крае жён, даже священнослужительских, которые слишком много ходят на обыкновенных крестьянок по нравственной неразвитости, по узкости взгляда на всё, их окружающее, и преследуемым в жизни интересам. Муж при этом или увлекается, вслед за женой, мелочами жизни, или остаётся с её стороны без сочувствия и поддержки в деле особенно-бескорыстного и усердного служения святой вере и Церкви»³⁸.

Мотивы унизительности сельскохозяйственного труда и его необходимости для священника, даже образованного, причудливо переплетались в личном восприятии, отмечавшем не только физическую тяжесть земледелия, но и его внешнюю, совсем не благородную простоту. «Стоит только посмотреть в нашем крае, — отмечал П. Дьяков, — когда в летнее время, или по-нашему, “в страду”, какой-нибудь зажиточный крестьянин идёт к батюшке для напутствования своего больного отца или матери. Крестьянин, конечно, прилично одетый, приходит к отцу духовному в поле, где тот последний держит плуг, или боронит полосу, или возит удобрения. Невыносимо тяжка эта сцена — особенно для священника, потому что он в сермяге и босой... Случается, в таком положении, хотя и проездом, но видит и помещик, и чиновник священника. Дивно ли после сего, что всех нас, сельских священников, считают мужиками? Мы не унижаем трудов, но чёрные труды унижают священника, и сколько бы он не имел достоинств научных и моральных, он всё-таки крестьянин. При этом священник, если он дорожит лично своею работою (а не дорожить нельзя, потому что у нас тот священник и живёт хорошо, кто сам работает)... исполняет свою должность торопливо и невнимательно, огорчается сам и огорчает крестьянина... Между нами же не более трёх или четырёх священников, не работающих в поле, и то только потому, что имеют счастье отдать землю в аренду или не имеют её пахотной... Нет! Пока земля будет собственностью священника, наука и литература не жди себе пособия от сельского священника: ему некогда заниматься трудами учёными, хотя много у него данных для науки из быта народного»³⁹.

Вместе с тем частые переводы с прихода на приход, обычные в описываемое время, препятствовали формированию устойчивой психологической привязанности священнослужителей к надельной земле. Характерно, что полученные от неё средства именовались «выгодами», в отличие от «дохода», ко-

³⁶ РГИА, ф. 804, оп. 1, разд. III, д. 36, л. 7.

³⁷ Там же, л. 7 об.

³⁸ О епархиальных училищах для девиц духовного звания (окончание) // Прибавления к Вологодским епархиальным ведомостям. 1866. № 9. С. 369.

³⁹ РГИА, ф. 804, оп. 1, разд. III, д. 36, л. 6—9.

торый прочно связывался со «службой»⁴⁰. При этом отношение духовенства к надельной земле следует отличать от отношения к личной земельной собственности, распространившейся в последней четверти XIX — начале XX в.⁴¹ Ввиду нестабильности земельного дохода даже в климатически более благополучных юго-западных Вологодском и Кадниковском уездах⁴², клирики епархии обращались с просьбами в синодальное Присутствие по делам православного духовенства возложить обработку церковных земель на прихожан. В Усть-Сысольском уезде считали это моральной обязанностью верующих по отношению к своим причтам⁴³, в Кадниковском и Сольвычегодском — своего рода платой за исполнение треб или обучение грамоте крестьянских детей⁴⁴. Видимо, сознавая правовую сомнительность данного требования, духовенство Никольского уезда просило подкрепить его «особым приказанием» начальства⁴⁵. Многие священнослужители Вельского уезда увязывали введение отработок с назначением себе казённого оклада⁴⁶. Другие предлагали передать всю церковную землю в Вологодском, Вельском, Грязовецком уездах в пользование крестьянам за постоянную денежную плату⁴⁷.

Обременительность полевых работ вызывала у духовенства желание полностью или частично сдать свой надел в аренду. Отношение к смене формы землепользования было по-своему эмоциональным, по крайней мере, тот же П. Дьяков писал о священниках, имеющих «счастье отдать землю в аренду». Всё яснее осознававшиеся выгода и «престиж» аренды по сравнению с собственным трудом — симптом объективной прагматизации мировоззрения клира⁴⁸. У вологодского духовенства это было связано со стремлением не столько даже получить от надела максимально возможный доход, сколько гарантировать стабильное поступление средств в условиях общей шаткости, рискованности земледельческого хозяйства. В начале 1860-х гг. в Кадниковском уезде сколько-нибудь существенной пользы от церковной земли удавалось добиться только с помощью аренды⁴⁹. Сдавали обычно землю, слишком удалённую от приходской церкви, либо ту, которую полагали маловыгодной⁵⁰ или излишней⁵¹. Часть надела (прицерковная пашня или сенокос) при этом могла остав-

⁴⁰ Подробнее см.: *Всеволодов А.В.* Служба, доход и оклад в представлениях православного приходского духовенства и печати 1860-х гг. (к постановке вопроса) // Материальный фактор и предпринимательство в повседневной жизни населения России: история и современность. Материалы международной научной конференции / Отв. ред. В.А. Веремёнко. СПб., 2016. С. 195—201.

⁴¹ *Подвигайло А.А.* Церковное землевладение и землепользование в Центрально-Чернозёмном регионе в 60—90-е годы XIX века: на примере Курской и Воронежской губерний. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2007.

⁴² ГА ВО, ф. 496, оп. 1, д. 13529, л. 3, 11 об., 25 об., 32 об., 38 об.; д. 13550, л. 25 об.—26; д. 13553, л. 141 об.—142; д. 13688, л. 3.

⁴³ Там же, д. 13550, л. 53 об.—54.

⁴⁴ Там же, л. 87 об.; д. 13554, л. 18.

⁴⁵ РГИА, ф. 804, оп. 1, разд. III, д. 26, л. 50.

⁴⁶ ГА ВО, ф. 496, оп. 1, д. 13552, л. 24 об.—25.

⁴⁷ Там же, д. 13548, л. 3 об.—4, 9 об.—10, 15 об.—16; РГИА, ф. 804, оп. 1, разд. III, д. 33, л. 19 об.

⁴⁸ Именно это, вероятно, подразумевал М.Е. Салтыков, когда писал на исходе 1880-х гг., что современное ему духовенство «относится уже к полеводству довольно холодно (отдают свой земельный участок в кортому)» (*Салтыков-Щедрин М.Е.* Мелочи жизни // *Салтыков-Щедрин М.Е.* Собр. соч. в 20 т. Т. 16. Кн. 2. М., 1974. С. 53).

⁴⁹ РГИА, ф. 804, оп. 1, разд. III, д. 28, л. 61.

⁵⁰ ГА ВО, ф. 496, оп. 1, д. 15652, л. 1; д. 16755, л. 87; РГИА, ф. 804, оп. 1, разд. III, д. 34, л. 219.

⁵¹ Например, половину земельной доли сверхштатного причетника в Кадниковском уезде (ГА ВО, ф. 496, оп. 1, д. 14145, л. 1).

ляться в личном пользовании духовенства⁵²: причты даже просили нарезать им такое количество земли, чтобы одну половину её можно было кортомить, а другую — возделывать на полученные деньги⁵³.

Переход от личной обработки земли к сдаче её в аренду прямо зависел от внутриприходских отношений. Поскольку принадлежность земли, по мнению крестьян, определялась фактическим пользованием ею, участки, находившиеся в некрестьянском владении, так или иначе попадали в сферу интересов сельской общины⁵⁴. По воспоминаниям А.А. Турундаевского, его отец-священник предпочёл сдать свою удобно расположенную пашню крестьянам, так как «сообразил, что шкурка выделки не стоит по некоторым мотивам. Во-первых, народ с завистью смотрит на эту землю, и не исключена возможность потрав. Заставить крестьян отгораживать свои земли от поповских полей вызовет много хлопот и озлоблений. Во-вторых, доходы от земли за вычетом всех вложений будут крайне невелики, а потому вся земля была отдана в аренду за небольшую плату. Оставлен небольшой клочок для личного пользования»⁵⁵.

Повсеместно практиковалась полная или частичная обработка церковных и причтовых земель наёмным трудом, а в Великоустюгском, Сольвычегодском и Яренском уездах — половниками⁵⁶. Распространены были и помочи, к которым священнослужители обычно прибегали для ускорения хода полевых работ⁵⁷. В Вельском, Вологодском, Никольском, Тотемском, Великоустюгском и Яренском уездах привлечение «чужих рук» было обусловлено как служебной занятостью священнослужителей, так и труднодоступностью их угодий, хотя земля могла признаваться при этом единственным или наилучшим средством содержания⁵⁸. Многие, однако, не пользовались ими из-за дороговизны⁵⁹.

В формировании субъективного отношения клирика к своему наделу и оценке его производительных возможностей большую роль играло и расположение участков на местности. Опрос 1863 г. показал весьма смутные представления причтов о количестве имевшейся в их распоряжении земли и её границах, обусловленные давностью пользования и пестротой его юридических оснований⁶⁰. Если в период нестеснённой выборности приходского духовенства

⁵² Там же, ф. 34, оп. 12, д. 59, л. 11; ф. 496, оп. 1, д. 13552, л. 41; д. 14437, л. 13.

⁵³ РГИА, ф. 804, оп. 1, разд. III, д. 36, л. 1 об.

⁵⁴ Об этом см.: Данилов В.П., Данилова Л.В. Крестьянская ментальность и община // Менталитет и аграрное развитие России. М., 1996. С. 27; Милов Л.В. Природно-климатический фактор и менталитет русского крестьянства // Там же. С. 43, 53—56; Саблин В.А. Крестьянское хозяйство на Европейском Севере России (1917—1920). М., 2009. С. 137; Сухова О.А. Десять мифов крестьянского сознания: Очерки истории социальной психологии и менталитета русского крестьянства (конец XIX — начало XX в.) по материалам Среднего Поволжья. М., 2008. С. 206, 208; Швейковская Е.Н. Государство и крестьяне России. Поморье в XVII в. М., 1997. С. 259—277.

⁵⁵ Турундаевский А.А. Наша семья. С. 241.

⁵⁶ РГИА, ф. 804, оп. 1, разд. III, д. 34, л. 63 и др.

⁵⁷ Громыко М.М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М., 1986. С. 31—70. О негативных аспектах помочей см.: Макарова В.Ю. «Он хотя и выпивает, но не упивается»: отношение крестьян к пьянству священников // Сны Богородицы. Исследования по антропологии религии. СПб., 2006. С. 78—79.

⁵⁸ ГА ВО, ф. 496, оп. 1, д. 13549, л. 103 об.—104; д. 13552, л. 19 об.—21, 26 об.—27, 46 об.—47; д. 13554, л. 60, 113; д. 15460, л. 9 об.; д. 15736, л. 10 об. РГИА, ф. 804, оп. 1, разд. III, д. 25, л. 16 об.—18; д. 26, л. 93.

⁵⁹ РГИА, ф. 804, оп. 1, разд. III, д. 33, л. 75, 159 об.; ГА ВО, ф. 496, оп. 1, д. 13554, л. 47 об.—48, 113.

⁶⁰ Это, впрочем, не было особенностью одного лишь духовенства. О.А. Плех отмечает, что отсутствие подробных и точных карт Вологодской губ. в первой половине XIX в. приводило к тому, что «должностные лица ряда уездов выполняли возложенные на них обязанности, не имея

право на пользование участками земли определённой площади обосновывалось и поддерживалось самим порядком ставленнического делопроизводства⁶¹, то с 1765 г. наделение землёй регулировалось законодательно. Так, в ходе Генерального межевания каждой приходской церкви предполагалось отвести по 33 десятины⁶².

В Вологодской губернии межевание завершилось в основном к 1796 г.⁶³, однако полностью разграничить причтовые наделы и участки других владельцев при этом не удалось. Много лучшего оставляла желать и сохранность в церковных архивах поземельной документации⁶⁴. Во многие приходы межевые планы и книги не высылались годами и десятилетиями⁶⁵. Даже когда размежёваны были давно используемые земли, точная их площадь порой оставалась духовенству неизвестна: судили о ней приблизительно, с точностью до десятков десятин⁶⁶. Иногда имелось несколько планов и книг, но они охватывали лишь часть надела, либо же их информация была не во всём достоверной (из-за технических ошибок или вследствие перемены собственников)⁶⁷. Это позволяет объяснить указания источников о том, что земля, как сообщали в 1859 г. из Кулойского Покровского прихода Вельского уезда, отмежёвана «в прежние годы, когда именно, неизвестно», и «поступила на церковь неизвестно откуда»⁶⁸.

В середине — второй половине XIX в. в епархии сохранялись рудименты прежней нераздельности церковного и крестьянского землевладения⁶⁹. Участки, которыми пользовались причты в Вельском, Никольском, Сольвычегод-

---

точного представления о географии и границах подчинённой им территории» (*Плех О.А.* Местное управление в Вологодской губернии в первой половине XIX века. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2016. С. 18—19).

⁶¹ *Зольникова Н.Д.* Сибирская приходская община в XVIII веке. Новосибирск, 1990. С. 150; *Камкин А.В.* Общественная жизнь северной деревни. Пути и формы крестьянского общественного служения. Вологда, 1990; *Милючик М.И.* Приходская церковь и крестьянская община на Архангельском Севере в XVII в. // *Русская культура на рубеже веков: Русское поселение как социокультурный феномен. Сборник статей / Гл. ред. Г.В. Судаков.* Вологда, 2002. С. 40; *Пулькин М.В.* Приходское делопроизводство XVIII века как исторический источник (по материалам Олонецкой епархии) // *Источниковедение: поиски и находки. Сборник научных трудов. Вып. 1.* Воронеж, 2000. С. 132—133.

⁶² ПСЗ-I. Т. 18. № 12925. С. 156—162.

⁶³ *Колесников П.А.* Северная Русь. Вып. 2. Архивные источники по истории Европейского Севера России XVIII в. Вологда, 1973. С. 106; *Цветков М.А.* Картографические материалы Генерального межевания // *Вопросы географии. Сборник тридцать первый / Отв. ред. Н.Н. Баранский, В.К. Яцунский.* М., 1953. С. 92.

⁶⁴ См.: *Пулькин М.В.* Православный приход и власть в середине XVIII — начале XX в. (по материалам Олонецкой епархии). Петрозаводск, 2009. С. 130.

⁶⁵ Так, в Косланском Ильинском приходе Яренского уезда в 1870 г. священнослужители всё ещё ожидали присылки документов по межеваниям 1825 и 1851 гг. (ГА ВО, ф. 496, оп. 1, д. 14437, л. 5). Подробнее см.: *Милов Л.В.* Исследование об «Экономических примечаниях» к Генеральному межеванию (К истории русского крестьянства и сельского хозяйства второй половины XVIII в.). М., 1965. С. 33—59.

⁶⁶ ГА ВО, ф. 34, оп. 12, д. 59, л. 3 об.—4; ф. 496, оп. 1, д. 13552, 13 об.—14; д. 13554, л. 29 об.—30; РГИА, ф. 804, оп. 1, разд. III, д. 25, л. 9 об.—10 об.; д. 34, л. 27 об.—28, 71 и др.

⁶⁷ ГА ВО, ф. 34, оп. 12, д. 59, л. 2 об.—3; ф. 263, оп. 1, д. 453, л. 65.

⁶⁸ Там же, ф. 34, оп. 12, д. 59, л. 4 об.—5.

⁶⁹ См.: *Копанев А.И.* Крестьянство Русского Севера в XVI в. Л., 1978. С. 114—116; *Копанев А.И.* Крестьяне Русского Севера в XVII в. Л., 1984. С. 36—37; *Швейковская Е.Н.* Русский крестьянин в доме и мире: северная деревня конца XVI — начала XVIII века. М., 2012. С. 139—152. См. также: *Богословский М.М.* Земское самоуправление на Русском Севере в XVII веке. Т. II. М., 1912. С. 19—20; *Юшков С.В.* Очерки из истории приходской жизни на Севере России в XV—XVII вв. СПб., 1913. С. 5—7; и др.

ском и Великоустюгском уездах, по происхождению и по территориальному окружению часто были мирскими⁷⁰. В Великоустюгском, Сольвычегодском, Усть-Сысольском и Яренском уездах в совместном пользовании крестьян и духовенства находились сенокосные угодья⁷¹. На юго-западе епархии они сдавались причту «за оброк»⁷². Многие священнослужители северо-востока к началу 1860-х гг. не имели земли вовсе либо располагали только усадьбой, площадь которой не достигала и десятины⁷³. Некоторые причты, кроме участков, закреплённых за церквями Генеральным межеванием (в том числе и приданных по писцовым книгам), пользовались землёй «по старине» — непрерывно, начиная с XVI—XVII вв. Права на эти «неплановые» участки подтверждались, как правило, свидетельствами старожилов⁷⁴.

Обычноправовая регламентация землепользования при определённых обстоятельствах была выгодна духовенству. Она позволяла расширять площадь наделов за счёт угодий, занятых по договорённости с соседями или самочинно. Многие клирики также предпочитали пользоваться вместо отмежёванной земли небольшими участками, полученными «по соглашению» от прихожан⁷⁵. Тем самым закладывалась основа для будущих конфликтов, поскольку крестьяне, отводя причту пашню или сенокос до нарезки установленной законом «пропорции» или бессрочно, делали это, по большей части, «без акта» и реже — «по подписке»⁷⁶.

Действительно, земли, не разграниченные официально, часто становились ареной столкновения интересов священнослужителей и крестьян. Добровольный отвод мирской земли духовенству в дальнейшем служил предлогом для одностороннего возврата её общиной. Клирики квалифицировали такие действия как «захват», обосновывая свои права на отнятые угодья длительностью пользования⁷⁷. Ощущение ценности спорных участков было у них иногда столь сильно, что причты в борьбе за них не останавливались даже перед подделкой правоустанавливающей документации, как это случилось в ходе конфликта причта Цилебской Христорождественской церкви Яренского уезда с местными крестьянами из-за пожни Пономарской⁷⁸. Так же умело и успешно при отстаивании своих позиций в поземельных спорах духовенство оперировало и подлинными межевыми актами⁷⁹.

⁷⁰ ГА ВО, ф. 34, оп. 12, д. 59, л. 6 об.—7; ф. 496, оп. 1, д. 13553, л. 132; РГИА, ф. 804, оп. 1, разд. III, д. 25, л. 9 об.—10; д. 34, л. 7 об.—8.

⁷¹ РГИА, ф. 804, оп. 1, разд. III, д. 34, л. 8.

⁷² Так, в 1844 г. причт Воскресенской на Борку церкви Вологодского уезда платил своим крестьянам 44 руб. 24 коп. такого оброка (РГИА, ф. 804, оп. 1, разд. III, д. 34, л. 10).

⁷³ К примеру, площадь усадьбы земли Слудского прихода в Яренском уезде составляла 600 кв. саженей (РГИА, ф. 804, оп. 1, разд. III, д. 32, л. 118 об.—119). Причт Угронского Введенского прихода в Вельском уезде имел только огороды, переданные прихожанами (Там же, д. 34, л. 335).

⁷⁴ ГА ВО, ф. 496, оп. 1, д. 13549, л. 207; РГИА, ф. 804, оп. 1, разд. III, д. 28, л. 61. Следует учесть, что владение «по старине» могло и не предполагать какой-либо письменной фиксации прав на землю. См.: *Воскобойникова Н.П.* К истории описания Сольвычегодского уезда во второй половине XVI — первой четверти XVII в. // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. Сборник статей. М., 1991. С. 80.

⁷⁵ См.: ГА ВО, ф. 496, оп. 1, д. 13550, л. 53 об.; д. 13553, л. 121 об.; РГИА, ф. 804, оп. 1, разд. III, д. 34, л. 71.

⁷⁶ См.: РГИА, ф. 804, оп. 1, разд. III, д. 34, л. 2, 4, 6 и др.; ГА ВО, ф. 496, оп. 1, д. 13550, л. 57.

⁷⁷ См.: ГА ВО, ф. 496, оп. 1, д. 15652, л. 4—5.

⁷⁸ Там же, д. 13320, л. 1—1 об., 4.

⁷⁹ См. пример такого спора: Там же, д. 13322, л. 5, 6, 12.

Симптоматично, что, несмотря на сложности с признанием границ и частое незнание обстоятельств приобретения земель, различия в актуальных основаниях пользования ими осознавались и обозначались духовенством вполне ясно. «Обрезную» (отмежёванную) землю не смешивали с «крепостной», «данной» или «оброчной»⁸⁰. Хорошо были осведомлены причты и о наличии в приходской округе тех или иных доходных угодий и их владельческом статусе. В опросных ведомостях 1863 г. они локализируются порой очень точно, с указанием не только названий дач, но и имён владельцев («пустошь... гг. Брянчаниновых и Волкова»⁸¹, лес из казённой дачи «против деревень Воронцовых»⁸²), либо дополнительных идентифицирующих признаков. Так, клир Задносельской Георгиевской церкви Кадниковского уезда просил передать ему сенные покосы в пожнях, оставшиеся сверх крестьянского надела у помещиков по селам Бережок, Миролубово, Скородумово — «в недалёком расстоянии от церкви»⁸³. Трудно сказать, собиралась ли информация о принадлежности угодий специально при подготовке опросных ведомостей, либо же была частью практического знания местного землевладения (необходимого клиру в повседневном общении с паствой). Однако она явно использовалась духовенством для защиты коллективных и индивидуальных интересов и рассматривалась как инструментальная ценность.

Важнейшими чертами пространственной конфигурации причтовых наделов, во многом унаследованными ещё от досинодального времени, были чересполосица и значительная раздробленность. Каждый надел состоял из долей («повытков»). Повыток, в свою очередь, делился на несколько пахотных полос и сенокосных участков⁸⁴. При распределении земли дробность надела, помимо прочего, облегчала соблюдение служебной иерархии. При этом даже обширный (до 200—400 десятин) участок мог быть размещён так, что его держатели жаловались на крайнюю тесноту. Духовенство Пушемского Троицкого прихода Никольского уезда, располагавшее более чем 114 десятинами земли, писало в отзыве, что она «очень сжата», а «межа от межи [находится] на расстоянии всего 70 сажень»⁸⁵.

Эта мозаичность надела, как ни парадоксально, могла позитивно влиять на межличностные отношения в клире. В сезон полевых работ священнослужители, выйдя из храма, не разлучались надолго — земледельческие хлопоты снова сводили их вместе, и они оказывались буквально на соседних участках⁸⁶.

Полицентричность была свойственна как наделам, состоявшим целиком из официально отмежёванной земли, так и тем, в которых участки по «казённой пропорции» дополнялись крестьянскими придами. Типичной даже для Вологодского и прилегавших к нему уездов была ситуация, когда пахота и сенокос оказывались отведены в разных местах, отстоявших от церкви на расстояние от

⁸⁰ Там же, ф. 883, оп. 1, д. 162, л. 140—140 об., 146, 155 об., 172, 177, 229 об., 255 об.

⁸¹ Там же, ф. 496, оп. 1, д. 13550, л. 19 об.—20.

⁸² Там же, д. 13549, л. 213.

⁸³ Там же, д. 13550, л. 1 об.—2.

⁸⁴ Подробнее см.: *Васильев Ю. С.* Избранные труды по истории Европейского Севера России XII—XVII веков. Вологда, 2013. С. 212.

⁸⁵ РГИА, ф. 804, оп. 1, разд. III, д. 26, л. 58.

⁸⁶ «Выйдите на церковное поле и увидите, что на одной стороне пашет причетник, а на другой священник... А спустя четыре-пять часов там уже другая картина. На одной полосе сеет священник, на другой пономарь, а на третьей женщина» (*Попов А., прот.* Указ. соч. С. 4).

1—2 до 15—30 верст⁸⁷. Количество несмежных участков достигало пяти—деяти и более, а при удачном стечении обстоятельств ограничивалось двумя—четырьмя⁸⁸.

Структура надела являлась одним из факторов отнесения земли к категории «удобной». Вообще же понятие «удобство» в представлениях сельского духовенства было весьма пластично: соответствующим термином при необходимости пользовались для комплексной характеристики физической доступности участка, состава и плодородия почвы, а также объёмов получаемого с него дохода. Столь же условным оказывалось и «неудобство». По-видимому, оно указывало прежде всего на удалённость тех или иных угодий от храма. «Дальность расстояния», подразумевавшая «неудобство» землепользования, отсчитывалась примерно с 5 вёрст: меньшая дистанция позволяла считать участок доступным для обработки. Так, в Подкубенском Воскресенском приходе Вологодского уезда духовенство без всякого намёка на длину пути констатировало, что половина сенокосной земли состоит «на пустоши, находящейся от церкви в 2,5 верстах, которая не вся к плодородию и сенокосу удобна»⁸⁹. П. Дьяков, говоря о трудности хлебопашества для тотемских священников, отмечал: «Только при некоторых приходах земля по полной пропорции по положению, а при тех, где вблизи церкви помещики или крестьяне, редко полный надел земли, или она в 5, 10 и 15 верстах, и та в 3—4 местах, по качеству большею частию дурна»⁹⁰. В Кичменгском Преображенском приходе Никольского уезда клирики пользовались участком в 106 десятин, находившимся за семь вёрст от храма. Из этого причт заключал, что земля «по дальности... для владения вовсе не удобна»⁹¹.

Однако зависимость между расстоянием до участка и признанием «удобства» либо «неудобства» его разработки прослеживается не всегда: данные параметры часто использовались и в сопряжении, и без какой-либо очевидной связи друг с другом⁹². Характерно, что, формулируя свои материальные запросы в «Сведениях об улучшении быта», причты пренебрегали удалённостью доходных земель. Например, в Вологодском уезде священнослужители просили передать им казённые леса в 5—8 верстах от церквей⁹³. Шейбухтский Богородский причт Тотемского уезда высказывал в ведомости желание пользоваться покосами в 4, 26 и 32 верстах от своего храма⁹⁴.

Пашня и сенокос могли считаться «удобными», если ничто в пространственном расположении, рельефе не препятствовало их разработке. Соответственно, «неудобной» становилась земля, занятая лесом, находящаяся под дорогами или вблизи них, заболоченная и т.п.⁹⁵ — та, с которой «причт не получает никакой пользы»⁹⁶. «Малоудобной» признавалась земля, которая «малую и редко приносит пользу»⁹⁷. Для усадебной оседлости «удобство», видимо,

⁸⁷ ГА ВО, ф. 34, оп. 12, д. 59, л. 6 об.—11; ф. 496, оп. 1, д. 13554, л. 69—69 об.; д. 15750, л. 5 об.; РГИА, ф. 804, оп. 1, разд. III, д. 28, л. 61; д. 34, л. 267; д. 36, л. 5.

⁸⁸ ГА ВО, ф. 496, оп. 1, д. 14330, л. 3 об.; д. 13550, л. 17 об.—18; д. 13553, л. 127; д. 13688, л. 3; ф. 883, оп. 1, д. 162, л. 223 об.; РГИА, ф. 804, оп. 1, разд. III, д. 34, л. 9 об.—10.

⁸⁹ РГИА, ф. 804, оп. 1, разд. III, д. 34, л. 205.

⁹⁰ Там же, д. 36, л. 5.

⁹¹ ГА ВО, ф. 496, оп. 1, д. 13552, л. 44 об.—45.

⁹² РГИА, ф. 804, оп. 1, разд. III, д. 27, л. 30; д. 36, л. 80.

⁹³ ГА ВО, ф. 496, оп. 1, д. 13548, л. 7 об.—8, 13 об.—14.

⁹⁴ РГИА, ф. 804, оп. 1, разд. III, д. 36, л. 22 об.—23.

⁹⁵ ГА ВО, ф. 496, оп. 1, д. 13548, л. 5 об.—6.

⁹⁶ РГИА, ф. 804, оп. 1, разд. III, д. 34, л. 213.

⁹⁷ Там же, л. 219.

предполагало наличие при домах причта обустроенных огородов, способных обеспечивать потребности семей клириков⁹⁸.

Понимая «удобство» как показатель производительных возможностей земли, духовенство учитывало всю совокупность местных особенностей, прежде всего — рельеф и климат. Косвенно о земледельческом опыте и знаниях священнослужителей можно судить по тому, как производилась ими оценка качества почв. Судя по ведомостям о средствах содержания духовенства Вологодской епархии, поданным в Святейший Синод в 1845 г., она была как комплексной («качества земля порядочного»⁹⁹), так и параметрической («качеством относительно плодородия земля хороша»¹⁰⁰; «качество земли: состоит из серого, а немалая часть — из жёлтого песка»¹⁰¹; «земля по причине песчаного грунта к плодородию посредственна»¹⁰²; «земля же по причине низменности положения и холодности климата к плодородию неудобна»¹⁰³). Высокая детализация оценочной шкалы обуславливалась точной подстройкой её под локальные природные условия, что вело иногда к излишней дробности описания. Так, при «порядочном» качестве почвы дополнительно учитывалась, например, её «хрящеватость»¹⁰⁴.

Если в надел входили неравные в том или ином отношении участки, это также отражалось в оценке в виде простой градации («качества земля есть хорошая, порядочная и средственная»¹⁰⁵), либо с помощью специализации угодий по хозяйственному назначению («и пахотная, и сенокосная земля хорошего качества»¹⁰⁶), либо обобщённо — с указанием доли лучшей или худшей земли от общей площади («земля большею частию неудобная»¹⁰⁷). Поскольку контрасты были порой очень велики, нередко в ведомостях называлась площадь худшего участка¹⁰⁸.

О земледельческой опытности причтов свидетельствуют и их указания на то, что земля требует регулярного «немалого» или «хорошего» удобрения и «надлежащего возделывания»¹⁰⁹. Так, из Кумзерского Флоро-Лаврского прихода Кадниковского уезда сообщалось о том, что пахотная земля «к хлебопашеству способна и вся удобрена»¹¹⁰. По урожайности хлебов, количеству снятого с покосов сена или внесённого удобрения судили о «посредственности» земли в Грязовецком уезде¹¹¹. Собственные трудозатраты наряду с природными свойствами, как видно, служили мерилем качества земли.

Отношение духовенства к поддержанию плодородия почв зависело от многих факторов. Причины «нерачения» о земле были не всегда очевидны даже

⁹⁸ Там же, д. 32, л. 126; ГА ВО, ф. 496, оп. 1, д. 13553, л. 102—102 об.

⁹⁹ РГИА, ф. 804, оп. 1, разд. III, д. 34, л. 32.

¹⁰⁰ Там же, л. 339.

¹⁰¹ Там же, л. 405.

¹⁰² Там же, л. 28.

¹⁰³ Там же, л. 71.

¹⁰⁴ Там же, л. 151.

¹⁰⁵ Там же, л. 349, 317.

¹⁰⁶ Там же, л. 57. См. там же: л. 36, 40, 113, 191, 261, 263, 265, 267, 295 и др.

¹⁰⁷ Там же, л. 331. См. там же: л. 29 об.—30, 42, 61, 390 и др.

¹⁰⁸ См., например, ведомость по Уфгюжскому Трифоновскому приходу Кадниковского уезда, где обозначено, что кроме «хорошего» сенокоса у причта имелось ещё 6 десятин «маловыгодного» (Там же, л. 295).

¹⁰⁹ Там же, л. 14, 51, 79, 87, 249, 251, 257.

¹¹⁰ Там же, л. 101.

¹¹¹ Там же, л. 223, 225, 227, 229.

тем, кто постоянно наблюдал жизнь сельского батюшки. Когда священнослужитель не занимался хозяйством сам и не передавал надельную землю в стороннее пользование, это со временем приводило её в самое плачевное состояние. Преемник мог впоследствии годами пытаться исправить положение, но так и не достичь успеха. В объединённом Нокшинско-Бобровском Богородском приходе Великоустюгского уезда за «опустошённой» предшественниками землёй причту пришлось ухаживать четыре года, прежде чем в 1880 г. удалось вновь получить с неё чистого дохода 29 руб. Два года подряд до этого убытки составляли по 60 руб.¹¹²

Нередко поля оставлялись «впусте» из-за вдовства их обладателей¹¹³. Кроме семейных неурядиц, к делу порой примешивалось внутпричтовое соперничество. Небрежность по отношению к своему участку, возникавшая из-за служебной занятости или бедности, рассматривалась как аргумент в пользу перераспределения угодий в причте¹¹⁴. Наоборот, стабильное поддержание плодородия земли воспринималось как служебное отличие, подтверждавшее ответственность и добросовестность клирика и выделявшее его из среды «собратий». Так, в частности, писал о себе в прошении 1869 г. сверхштатный диакон Евгений Изюмов: «Я с поступления своего на место сам занимался земледелием и старался удобрить землю, которую и удобрил». Вологодский священник Евграф Марков просил разрешить ему засев парового поля, ранее удобренного «и в лучшем достоинстве приготовленного к засеянию озимовую рожью»¹¹⁵.

Представления вологодского сельского духовенства о земле, землевладении и землепользовании не составляли строгой системы и преломлялись в двух плоскостях повседневной жизни. Для исполнения служебных обязанностей надел являлся обузой, препятствием, но он же оставался основой житейского благополучия, важнейшим компонентом материального обеспечения клириков и их семей. Преобладание той или другой стороны зависело не только от индивидуальной психологии, но и от неповторимого сочетания и постоянной изменчивости жизненных обстоятельств. Убеждение в ценности земли как ресурса для ведения хозяйства заставляло священнослужителей искать такую стратегию экономической деятельности, которая принесла бы наибольшую финансовую отдачу при наименьших затратах собственного труда. Достигать этого они пытались как с помощью комбинации личного землепользования со сдачей части надела в аренду, так и передавая всю церковную землю в обработку прихожанам — с соответствующим возмещением. Но несмотря на всю привлекательность аренды, для многих причтов личный труд на земле и в пореформенные десятилетия не имел альтернативы. Сохранение архаических черт в поземельных отношениях создавало для духовенства трудности с восприятием и фиксацией границ земельных участков. Однако к подтверждению прав на угодья причты, когда это было необходимо, относились с большим вниманием, умея не только хорошо ориентироваться в особенностях местного землевладения, но и использовать имеющиеся знания для защиты своих интересов.

---

¹¹² ГА ВО, ф. 496, оп. 1, д. 15460, л. 5—5 об.

¹¹³ Там же, д. 14496, л. 25 об.; д. 16755, л. 87.

¹¹⁴ Там же, д. 13319, л. 11 об.

¹¹⁵ Там же, д. 15442, л. 95.